

УДК 1751
ББК 81

О.Н. Шевцова

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ОБРАЗЫ НАУЧНОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕКСТА
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТРУДА
М.П. ПОГОДИНА «ДРЕВНЯЯ
РУССКАЯ ИСТОРИЯ
ДО МОНГОЛЬСКОГО ИГА»)**

Одной из особенностей отечественной культуры первой половины XIX в. явилось создание языка формировавшейся в то время научной историографии. В труде историка М.П. Погодина «Древняя русская история до монгольского ига» нашло отражение воздействие языка художественной литературы на текст этого труда. На примере сравнительного анализа текстов, написанных историком, и текстов произведений Н.В. Гоголя и «Слова о полку Игореве» выявлена опора М.П. Погодина на центонно-парафразный принцип построения текста исторического своего произведения с целью привлечения интереса к русскому прошлому и к некоторым сторонам теории официальной народности, которой он придерживался. В труде историка имеются скрытые цитаты из этих произведений.

Ключевые слова: *романтизм, историк, текст, цитата, центонно-парафразный принцип, произведение, образ.*

Шевцова Оксана Николаевна – канд. филол. наук, доцент кафедры языка СМИ и рекламы факультета филологии и журналистики Южного федерального университета

Тел.: 8(863)264-31-60, 8-918-55-38-345
E-mail: oksana_shevtsova@bk.ru

© Шевцова О.Н., 2012.

Процесс формирования русского литературного языка, активно развивавшийся в первой половине XIX в., затронул разные сферы письменной культуры, в том числе переживавшую стадию своего становления историческую науку. По существу, это были два процесса, происходившие параллельно и имевшие большое значение для русской культуры нового времени. Сказывались эти процессы в творчестве разных историков этого времени и писателей, создававших художественные произведения на исторические темы. Заметно, что культурно-исторической особенностью того времени являлась высокая степень взаимовлияния между литературными произведениями на темы истории и историческими трудами, создававшимися в исторической науке. Это не случайно. Историческая наука эпохи романтизма стремилась завоевать интерес не только коллеги, историка-профессионала, но и более широкой читающей публики, для которой в то время было характерно стремление к знанию истории, в первую очередь родной истории. Отсюда едва ли случайным было стремление историков к литературной обработке текстов своих сочинений, к использованию языковых норм, характерных для художественной литературы, цитат из лучших образцов русской беллетристики, разумеется, путем не прямого воспроизведения художественного текста, но скрытых цитат из него, парафраз по мотивам литературного текста. Кроме того, художественность исторических трудов того времени составляла оборотную сторону недостаточной

разработанности научной терминологии исторических исследований, а также не вполне устойчивого представления о разграничении между историей как наукой и исторической беллетристикой. Такое отличие формировалось на базе философии истории и исследовательской культуры позитивизма, наступление которой относится в русской историографии к периоду не более раннему, чем вторая треть XIX в. Поэтому беллетризация истории, художественность языка исторических трудов в эпоху романтизма имела место.

Не удивительно, что особенно заметной была она в трудах историков, которые выступали одновременно как писатели, авторы литературных произведений на исторические темы. Одним из таких историков являлся Михаил Петрович Погодин. Этот известный и крупный историк первой половины XIX в. выступал как поэт и драматург. Ему принадлежит написанная в стихах трагедия «Петр I» [Погодин, 1831], которая содержит ряд интересных исторических наблюдений и в которой автор умело вводил в ткань поэтического текста слова и выражения петровского времени. Начавший преподавательскую деятельность в Московском университете с 1830 г., он с 1835 г. читал лекции по кафедре русской истории. В 1846 г. вышли в свет его лекции по этой дисциплине, которые в его более позднем произведении «Древняя русская история до монгольского ига» были подвергнуты литературной обработке [Рубинштейн, с. 257].

За последнее время отечественные исследователи отмечали присутствие центонно-парафразного принципа построения текста применительно к средневековой литературе и, в частности, к русскому летописанию. Текст, в соответствии с ним, строился на основе прямых цитат из исторически более ранних произведений или парафраз на темы этих текстов. Как отмечал выдающийся современный исследователь русского летописания И.Н. Данилевский, «в центонно-парафрадном произведении всегда используется (во всяком случае, сознательно) ограниченное число текстов». И, продолжал он, из этих текстов «подавляющее большинство... можно установить» [Данилевский, с. 59]. Для средневекового книжника такой способ построения текстов объяснялся двумя обстоятельствами. Во-первых, он сам, как представитель книжной культуры своего времени, мог воспринимать события прошлого или современные ему события, о которых он писал, в привычных для него образах мировой культуры, хорошо ему известных. Во-вторых, это давало ему возможность обеспечить понимание своим читателем этих событий в таких известных ему образах, поскольку круг читателей средневековых текстов был неширок, и все они также относились к людям книжной культуры. Несомненно, что М.П. Погодин был представителем культуры не средневековья, но нового времени. Однако и для него в истории русской литературы и в современном для него ее состоянии имелись некоторые образцы, следы которых выступают в тексте его «Древней русской истории до монгольского ига».

Очевидно, что в качестве образца автор выделял литературный текст, который привлекал его в силу своих литературных качеств, наличия в них образов и сюжетов, близких к историческому материалу, излагаемому им.

Историка также привлекал вербальный материал, успешно использованный художником слова для создания таких образов и сюжетов. Вместе с тем труд историка не терял при этом характера, типичного для исторической науки своего времени. В нем присутствовал строго научный лексический и стилистический строй объяснительного материала. Художественный стиль и лексика художественной литературы помогали при этом М.П. Погодину образно и ярко донести до читателя принципиально важную мысль, необходимую для научного обоснования исторической концепции.

В труде «Древняя русская история до монгольского завоевания» содержатся яркие образцы художественного повествования, дающие представление о литературном мастерстве историка. С использованием литературной образности историк предоставил читателю исторический выбор восточных славян, который они сделали, когда призвали в 862 г. на княжение в Новгород норманнских князей-конунгов. Об этом свидетельствует данный отрывок. *«Здравый смысл, народный толк, указал им (славянам. – О.Ш.) норманнов, которые господствовали по всему взморью, ближнему и дальнему, ходили безпрестанно на все четыре стороны, селились везде, где пригревало солнце, и готовы были служить кому угодно, лишь было бы из чего, – норманнов, которых грозная слава распространилась встуду. Да и кого ж в то время выбирать было иначе? Кто имел столько силы и смелости, чтобы взяться за такое трудное и опасное дело? Кто мог лучше защитить от норманнов, как не их соотечественники?»* [Погодин, 1871, с. 3 – 4], – рассуждал о причинах призвания норманнов Погодин. В яркой художественной форме Погодин передал рыцарский воинский дух, характерный для представлений исторической мысли того времени о раннесредневековых скандинавах.

Текстом литературного произведения, послужившим образцом для этого отрывка, был «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя. Произведение было завершено в 1842 г., в том же году вышло во втором томе сочинений писателя, и историк успел с ним познакомиться. Характеристика Тараса не прошла мимо внимания М.П. Погодина. Говоря о Тарасе Бульбе, типичном представителе казачества того времени, великий русский писатель указывал, что он представлял *«один из тех характеров, которые могли возникнуть только в тяжелый XV век на полукочующем углу Европы, когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена дотла неукротимыми набегами монгольских хищников; когда, лишившись дома и кровли, стал здесь отважен человек; когда на пожарищах, в виду грозных соседей и вечной опасности, селился он и привыкал глядеть им прямо в очи, разучившись знать, существует ли какая опасность на свете; когда бранным пламенем обьялся древле-мирный славянский дух и завелось козачество – широкая, разгульная замашка русской природы»* [Гоголь, 1952, т. 2, с. 36].

Следовательно, образ норманнов, созданный М.П. Погодиным, был в полной мере художественным и романтическим, причем даже в большей степени, чем научным. На это может указывать употребление эпи-

тетов, которые встречаются в приведенных текстах историка и писателя. К таким эпитетам относится характеристика местности в обороте «ко все-му взморью, ближнему и дальнему». Это также выражение «грозная слава», которая относилась к скандинавам-норманнам. Наконец, это оборот «трудное и опасное дело», относившееся к управлению призвавшими их славянами. Такие же яркие эпитеты имелись у Гоголя: *«тяжелый XV век», «на полукочующем углу Европы», «неукротимыми набегами монгольских хищников», «грозных соседей и вечной опасности», «широкая, разгульная замашка русской природы»*. Не в меньшей степени играют роль некоторые глаголы. В тексте Погодина они относятся к норманнам: *«господствовали по всему взморью», «ходили безпрестанно на все четыре стороны»*. В несколько меньшей степени роль глаголов заметна в отрывке из «Тараса Бульбы»: *«стал здесь отважен человек», «селился он и привыкал глядеть им прямо в очи»*. Вместе с тем приведенный отрывок из текста Погодина имеет одно заметное отличие отрывка из текста Гоголя. Это – завершающие данный отрывок три вопроса. Поскольку ответа на эти вопросы не требовалось, поскольку ответы на них подразумевались сами собой, то они являются риторическими вопросами. Но три этих риторических вопроса выполняют, помимо художественной, еще одну очень важную функцию. Они содействуют усилению убедительности мысли, относящейся к роли норманнов в русской истории, которую проводил Погодин. Таким образом, в данном случае дискуссионную историческую проблему Погодин подавал читателю с использованием средств художественной литературы. Это было не случайно. Норманны и призвание варягов представляли собой во второй четверти XIX в. не только историческую, но и публицистическую проблему. Призвание новгородцами Рюрика и его «братьев» служило одной из основ распространявшейся в то время теории официальной народности, которую на историческом материале М.П. Погодин активно поддерживал. Призвание варягов должно было служить доказательством единения народности и самодержавия, поскольку княжескую власть Рюрика, которую неисторично сопоставляли с самодержавием, и приглашение ее новгородцами составляло историческую основу тезиса об установлении монархии на Руси по воле народа. Для того чтобы сделать картину призвания варягов более убедительной для широкого читателя, которому нужно было доказывать наличие исторического единства народа и самодержавия, Погодин эффективно использовал средства художественной литературы.

Имеется еще один отрывок из текста М.П. Погодина, который имеет параллели с текстом «Тараса Бульбы» Н.В. Гоголя, который также относится к норманнам и к их походам на Черное море и на Константинополь. Как писал Погодин, *«другая мечта овладела их живым воображением, достойная Норманской крови. Они вздумали идти на Константинополь, о котором чудеса рассказывались им на их родине. Миклагард, Миклагард, великий город! Чего там нет! Какие сокровища везде собраны! Сколько золота и серебра, паволок! Что за вина, что за яства! А защита плохая. Греческие войны изнежены до того, что имя их у родственных варангов упо-*

требляется в насмешку. О жителях и думать нечего. Путь же недалек, морские бури знакомы. Отчего не попытаться. Ходили ж их братья, прежде и после, на Рим и Париж, на Лондон и Севиллу. Смелость города берет. Авось!» [Погодин, 1871, с. 5]. В данном отрывке вообще ничего нет от научной речи. Между тем, заметны параллели в художественной речи Гоголя, из отрывка, относящегося к описанию обстановки в «светлице» дома Тараса Бульбы: «На полках по углам стояли кувшины, бутылки и фляжки, зеленого и синего стекла, резные серебряные кубки, позолоченные чарки всякой работы: венецейской, турецкой, черкесской, зашедшие в светлицу Бульбы всякими путями, через третьи и четвертые руки, что было весьма обыкновенно в те удалые времена» [Гоголь, 1952, т. 2, с. 34]. Еще один пример – в речи пана Данилы. В повести «Страшная месть», напечатанной еще в 1832 г., во второй части «Вечеров на хуторе близ Диканьки», он говорил своей жене: «Эх, если бы ты знала, Катерина, как резались мы тогда с турками! На голове моей виден и доньне рубец. Четыре пули пролетело в четырех местах сквозь меня. И ни одна из ран не зажила совсем. Сколько мы тогда набрали золота! Дорогие каменья шапками черпали казаки. Каких коней, Катерина, если бы ты знала, каких коней мы тогда угнали! Ох, не воевать уже мне так!» [Гоголь, 1952, т. 1, с. 169]. Совершенно очевидна близость отрывков из текстов, написанных М.П. Погодиным и Н.В. Гоголем по словарному составу, отражающему связь с военно-героической тематикой и с материальной культурой, а также по речевой ритмике.

Еще один яркий образец пафосной речи в тексте М.П. Погодина относится к изложению им обстоятельств гибели в 972 г. князя Святослава Игоревича, убитого печенегами на порогах Днепра, когда он со своей дружиной возвращался из похода на Византию. Такой пафос не случаен. Во-первых, Святослав являлся князем, выразившим в своей личности и деятельности наиболее характерные черты скандинавского конунга, военного предводителя, боевого вождя дружины. Во-вторых, важнейшей стороной его деятельности было ведение войн, против хазар, болгар, а затем Византии, а гибель его последовала в бою. Обстоятельства гибели князя Погодин излагал в тоне торжественной художественности: «Там, в порогах, где быстрый Днепр могучей волною бьет в каменные гряды Карпатских гор, преграждающих ему путь, и потом низвергается с них в глубокое свое русло с шумными водопадами, – там, среди степей невообразимых по обе стороны реки, сложил свою буйную голову, во цвете лет, удалой наш Святослав, самый бранный из всех бранных князей древности, не понимавший, что такое опасность, не знавший, что такое страх, приведший в трепет все окружные земли. Печенеги взяли его голову, оковали череп, и сделали чашу, из которой после пили, поминая храброго врага. Верные бояре и отроки, оставшиеся в живых после греческих поражений, пали все кругом любимого вождя» [Погодин, 1871, с. 40]. Образ князя Святослава, созданный историком – пафосный, торжественный и глубоко художественный. Впечатление от этого образа усиливалось благодаря тому, что монументальный образ князя, занимавшего, по его мнению, первое место в ряду «бранных» князей, подан им на фоне монументальных, богатыр-

ских образов природы, в окружении которой нашел свою погибель князь. Это – образ Днепра и окружающих «невообразимых» степей. В русской литературе того времени создавались аналогичные по своей художественной силе и выразительности богатырские образы. Наиболее близок к образу Днепра, созданному М.П. Погодиным, классический образ Днепра из «Страшной мести» Н.В. Гоголя. Особенно заметны параллели в той обширной части текста повести великого русского писателя, где создан образ грозного Днепра: *«Когда же пойдут горами по небу синие тучи, черный лес шатается до корня, дубы трещат и молния, изламываясь между туч, разом осветит целый мир – страшен тогда Днепр! Водяные холмы гремят, ударяясь о горы, и с блеском и стоном отбегают назад, и плачут, и заливаются вдали»* [Гоголь 1952, т. 1, с. 172]. Этот образ близок к погодинскому образу реки. Родившийся под пером историка вдохновенный образ Днепра вблизи порогов, где погиб князь Святослав Игоревич, был навеян несколькими художественными строками образа Днепра во время бури. Отличие в том, что у М.П. Погодина на место бури, вызванной стихией, стала буря боевая, в которой погиб «удалой» и «самый бранный» из русских князей Святослав.

Вместе с тем не только историком и художником выступал М.П. Погодин, но и идеологом, последовательным сторонником самодержавия и распространенной в царствование Николая I теории официальной народности. Эта сторона его личности также находила выражение в «Древней русской истории до монгольского ига», и относилось это к такой стороне этой теории, как православие. Сделано было это в связи с изложением истории принятия христианства на Руси. Как писал об этом Погодин, *«в одно время с зачалом государства в Новегороде, зачалась у нас Христианская вера в Киеве. В отличие от варваров западных, получивших ее из Рима, мы приняли ее из Константинополя, от Греков, и именно в то время, когда церковь вышла там из борьбы со всеми лжеучителями и успела отпраздновать торжество Православия на основании семи вселенских Соборов. Сообщил ее нам Патриарх, который первый и восстал и против папского властолюбия. Принесенное на Русь богослужение, сохраняя в себе учреждения и предания первых времен Христианства, оживилось вдохновенными славословиями великих духовных песнопевцев и незадолго перед тем украсилось священной иконописью»* [Погодин, 1871, с. 7].

Данный отрывок значительно отличается от отрывка, посвященного норманнам, с которыми связывалось начало государства на Руси. Взгляд на историю в духе романтизации и героизации прошлого, который проходит красной нитью через повествование о норманнах, выражен в нем значительно слабее. Пожалуй, что к такому взгляду на прошлое можно отнести упоминание об оживлении традиций первоначального христианства на Руси *«вдохновенными славословиями великих духовных песнопевцев»*. Это упоминание должно было донести до читателя воздействие традиций славянской культуры на воспринятое от греков христианство. В самом деле, представление о наличии на Руси *«песнопевцев»* составляло часть образа Киевской Руси в массовом историческом сознании,

а образ Бояна из «Слова о полку Игореве» способствовал утверждению такого представления. Поскольку образ Киевской Руси воспринимался в историческом сознании того времени в романтическом духе, то упоминание «*песнопевцев*» способствовало некоторой романтизации представления о принятии Русью христианства и о вхождении страны в мир христианских стран. В целом для отрывка характерен лексический материал, который используется в повествовании о событиях, а каждое предложение имеет подлежащее и сказуемое. Оживляется оно терминологией, имевшей место в полемической церковной литературе, такими, как существительное-дополнение в творительном падеже множественного числа «*лжеучителями*», упоминание «*семи вселенских Соборов*», наличие в последнем предложении подлежащего «*богослужение*». В целом отрывок носит более повествовательный характер, чем отрывки, посвященные норманнам.

Вместе с тем свою важнейшую мысль, относящуюся к выражению исторических особенностей развития Руси после принятия христианства, М.П. Погодин утверждал с пафосом, используя торжественную речь. «*Государственное начало, вера Христианская и духовное просвещение на своем языке – вот три семени великие, благодатные, почти единственно упавшие извне на Славянскую почву, в великое значение будущности Русской!*» [Погодин, 1871, с. 8], – провозглашал историк, выступая в данном случае в качестве одного из идеологов православия, самодержавия и народности. В данном случае пафос строится на основе сочетания лексем, содержащих высокий, торжественный смысл. Это по преимуществу прилагательные – «*великие*», «*благодатные*», «*великое*», а также прилагательные, которые при всей своей обычности были способны приобрести высокий смысл в определенном контексте – «*Государственное начало*» и «*духовное просвещение*». Придавало торжественный тон завершающее данный оборот сочетание, в котором прилагательное стоит после существительного – «*будущности русской*».

Таким образом, данная цитата отсылала читателя уже не к произведениям современного писателя, но к хорошо известному и популярному в то время произведению русской средневековой литературы «Слово о полку Игореве». Еще более заметна скрытая цитата из «Слова» в отрывке, посвященном прославленному в былинах пирам князя Владимира Красное Солнышко. «*На тирах Володимировых раздавались веселье песни, играли гусли, органы; турий рог, наполненный вином, обходил гостей; вещи бояны возлагали руки на живые струны, и струны сами Князьям славу рокотали – Олегу и Игорю, Ольге и Святославу, и самому ласковому князю Владимиру*» [Погодин, 1871, с. 43], – описывал эти пиры Погодин. В данном отрывке нетрудно заметить цитату из хорошо известного во времена Погодина «Слова о полку Игореве», где говорилось, что «*Боянь же, братие, не 10 соколов на стадо лебедей пущаше, нъ своя вещь прѣсты на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху*» [Зимин, с. 491].

Таким образом, опора М.П. Погодина на ценно-парафразный принцип построения текста труда по истории Руси домонгольского времени

заметна. Литературные образцы восходили к известным в то время произведениям, которым являлось «Слово о полку Игореве» и повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» и «Страшная месть». Что давала, однако, историку, автору нового времени, опора на такой принцип? Отчасти то же самое, что опора на этот принцип средневековых книжников. Тем самым в привычных образах, привычными вербальными средствами, автор устанавливал связь с людьми культуры своего времени, которыми являлись его читатели. Но, кроме того, этот метод обеспечивал автору определенный литературный уровень, к которому историк того времени выражал стремление, как это видно на примере текста М.П. Погодина. Он обеспечивал занимательность изложения исторического материала, а также ненавязчивое изложение важных элементов теории официальной народности, к чему стремился М.П. Погодин как историк и идеолог, и, следовательно, привлекал внимание читающего современника.

Литература

- Гоголь Н.В.* Страшная месть // *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений : в 6 т. М., 1952. Т. 1.
Гоголь Н.В. Тарас Бульба // *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений : в 6 т. М., 1952. Т. 2.
Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.
Зимин А.А. Слово о полку Игореве. СПб., 2006.
Погодин М.П. Древняя русская история до монгольского ига: соч. в 2 т. М., 1871. Т.1.
Погодин М.П. Петр I, трагедия в пяти действиях, в стихах. М., 1831.
Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941.